

Влияние концепции
коллективной памяти Мориса Хальбвакса
на современные memory studies
(на примере работ Я. Ассмана и А. Ассман)

Андрей В. Голиков

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, zaki940@yandex.ru*

Аннотация. В статье разбирается проблема позиционирования и адаптации концепции коллективной памяти Мориса Хальбвакса в работах Я. Ассмана и А. Ассман. В тексте предлагается анализ научных монографий на предмет встраивания концепции коллективной памяти в ткань повествования и ее применение для анализа феноменов мемориальной культуры в разные исторические периоды. Работа Я. Ассмана предлагает стратегию комплексной актуализации идей Хальбвакса посредством общего обзора ключевых аспектов работ французского социолога, что далее позволяет ему применять наработки исследователя для собственного анализа. А. Ассман, напротив, не делает обзоров идей. Она подкрепляет собственные тезисы положениями концепции Хальбвакса. Разница подходов позволяет проследить изменение положения Хальбвакса в научном дискурсе как легитиматора определенного способа описания социокультурной памяти. Также демонстрируется гибкость идей Хальбвакса, которые удастся применить с некоторыми модификациями не только к коммуникативной памяти, которая определялась им как единственная форма коллективной памяти, но и к внешним накопителям информации о прошлом. Эти наблюдения позволяют прослеживать способы работы гуманитариев с текстами первопроходцев отдельных дисциплин и выявить формы существования исследовательской литературы в конкретных исследованиях.

Ключевые слова: memory studies, Морис Хальбвакс, Ян Ассман, Алейда Ассман, повествование, фигура памяти, рамки памяти

Для цитирования: Голиков А.В. Влияние концепции коллективной памяти Мориса Хальбвакса на современные memory studies (на примере работ Я. Ассмана и А. Ассман) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 8. С. 197–208. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-8-197-208

Influence of Maurice Halbwachs conception of collective memory in modern memory studies (on the examples of papers by J. Assmann and A. Assmann)

Andrey V. Golikov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, zaki940@yandex.ru*

Abstract. The article formulates the problem of positioning and adaptation of Maurice Halbwachs conception of collective memory in the papers of J. Assmann and A. Assmann. The text provides the analysis of scientific monograph on the subject of embedding the conception of collective memory inside the fabric of the narrative and its using analysis of memorial culture phenomenon in different historical period. J. Assmann's papers offer the strategy of Halbwachs's ideas complex actualisation by means of general review of crucial aspects of French sociologist texts, that further it allows him to apply the researcher's achievements for his own analysis. A. Assmann instead doesn't do ideas' review. She supports her own theses by Halbwachs's concept statements. The distinction of approaches affords to trace Halbwachs's position changes inside scholar discourse as specific way of describing socio-cultural memory legalizer. Also it shows Halbwachs's ideas flexibility which can be used with a little modification not only with communicative memory, that Halbwachs defined as only form of collective memory, but with external storage of information about the past. These observations allow to trace scholars methods to work with texts by pioneer of separate discipline, and show the research literature forms of existing within specific papers.

Keywords: memory studies, Maurice Halbwachs, Jan Assman, Aleida Assmann, narration, figure of memory, memory framework

For citation: Golikov, A.V. (2019), "Influence of Maurice Halbwachs conception of collective memory in modern memory studies (on the examples of papers by J. Assmann and A. Assmann)", *RGGU/RSUH Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no 8, pp. 197-208, DOI: 10.28995/2686-7249-2019-8-197-208

Введение

С начала 1990-х гг. в поле гуманитарного знания постепенно укрепляется новое направление исследований, связанное с проблематикой коллективной памяти, которое получило название memory studies. На протяжении последних десятилетий исследователи из разных дисциплин коллективными усилиями разраба-

тывают это проблемное поле, предлагая новые методы анализа и практики интерпретации социокультурных феноменов с акцентом на метафоре «коллективная память»¹ [Сафронова 2018, Olick 2009, Confino 1997]. Количество изысканий в данной области продолжает расти, постепенно создавая новые studies (напр., Holocaust studies). Одновременно с растущим полем исследований и развитием теории можно наблюдать и процесс канонизации. Работы таких исследователей, как М. Хальбвакс, Я. Ассман и А. Ассман, по праву можно причислить к классическим текстам. Вместе с тем канон как отправная точка подразумевает, что современная ситуация внутри memory studies продвинулась вперед и классические тексты, если и сохраняют свою актуальность, не являются для новых поколений исследователей абсолютными образцами для анализа. В этой связи хотелось бы рассмотреть, как современные авторы адаптируют подходы и идеи предшественников к концептуальному осмыслению и решению задач, поставленных в своих исследованиях.

В этой статье мною предпринимается анализ практик адаптации и разработки концепции коллективной памяти М. Хальбвакса², предложенной им в работе «Социальные рамки памяти» [Хальбвакс 2007] и последующих трудах, и ее позиционирования в исследованиях коммеморативных практик. Изучение этой проблемы способствует развитию самокритической оптики, которая представляется исключительно полезной для анализа собственных высказываний и способов адаптации концепций под нужды конкретной работы.

Для анализа были выбраны «Культурная память» Я. Ассмана [Ассман 2004] и «Длинные тени прошлого» А. Ассман [Ассман 2014]. Помимо фиксации статуса классики memory studies в этих работах [Truc 2011] концепция Хальбвакса предстает теоретическим основанием, на котором выстраиваются все последующие рассуждения авторов. Я. Ассман в своем труде «Культурная память» [Ассман 2004] сформулировал базовые представления

¹В данном случае имеется в виду не конкретный термин, предложенный М. Хальбваксом в 1920-е гг., а само понимание памяти как внеиндивидуального.

²В рамках memory studies наблюдается интерес к оригинальным концепциям исследователя. Так, В.Д. Кордейро пытается реконструировать понятия *коллективная* и *индивидуальная память*, используя представление о группе, которое было предложено Хальбваксом в его работах [Cordeiro 2015]. В свою очередь К. Плех рассматривает концепции Хальбвакса как реакцию на психологические концепции начала XX в. (Л.С. Выготский, Дж. Мид), предлагая более контекстуальный подход к ее анализу [Pleh 2000].

о культурной памяти, развивая предложенную Хальбваксом метафору «коллективной памяти» [Хальбвакс 2007] и отталкиваясь от представления о коммуникативном характере коммеморации [Романовская 2010, с. 41–42]. А. Ассман активно вводит концепцию коллективной памяти непосредственно в свой язык описания [Ассман 2014, с. 160–163], о чем подробнее будет сказано ниже.

В качестве основного метода анализа мною избран нарративный анализ, что позволяет комплексно взглянуть на использование идей Хальбвакса в рассматриваемых текстах и выявить в таких практиках некоторые особенности и противоречия.

*«Теоретик социальной памяти
почти полностью забыт»³*

Для начала обратимся к работе Яна Ассмана «Культурная память» [Ассман 2004]. Рассмотрим то, как автор работает с идеями М. Хальбвакса. Исследователь упоминает Хальбвакса в начале своей монографии, отмечая его статус первопроходца в рассматриваемой проблематике [Ассман 2004, с. 19]. Подробному разбору хальбваксовских идей Ассман посвящает отдельную главу своей книги. Основу статьи составляет критический анализ именно этого фрагмента текста. И далее рассматриваются способы использования исследователем идей Хальбвакса для изучения древних культур.

Свой разбор концепции коллективной памяти Ассман начинает с рассмотрения «центрального тезиса» Хальбвакса – социальной обусловленности памяти [Ассман 2004, с. 36]. Как отмечает Ассман, исследователь полностью отходит от концепции памяти как индивидуальной характеристики человека, используя для анализа социальных процессов и практик сохранение представлений и знаний на уровне группы. В изложении Ассмана именно она выступает у Хальбвакса основным источником коллективных воспоминаний, становясь рамкой возможных воспоминаний каждого конкретного индивида [Ассман 2004, с. 37]. При этом дифференциация индивидуальной и коллективной памяти пролегает именно на уровне совокупности сюжетов каждой конкретной памяти. Таким образом, она существует и в социальном измерении, и на уровне индивида [Ассман 2004, с. 38].

³Цитата взята из текста Яна Ассмана с целью подчеркнуть предпосылку, на основании которой он вводит М. Хальбвакса в свою работу [Ассман 2004, с. 49].

Этот тезис Хальбвакса имеет фундаментальное значение для самого Ассмана и всей рассматриваемой монографии в целом. Идея о том, что память является не только прерогативой каждого конкретного человека, но и сообществ, выводит автора на изучение уровня социального взаимодействия. Это особенно важно в случае культурной памяти, которая является основным объектом анализа Я. Ассмана. Переходя с уровня коммуникации, на котором делал акцент Хальбвакс [Ассман 2004, с. 20], он проводит анализ институтов, которые выступают основными акторами коммеморативных процессов⁴. В данном случае коммуникация осуществляется не через непосредственное общение представителей одного сообщества, но опосредованно через соответствующие медиа. Здесь стоит отметить, что теория Хальбвакса используется Ассманом как базис для последующей разработки собственной концепции памяти. Второй концепт, на который обращает внимание Ассман, – это «фигура воспоминания». Как отмечает исследователь, у Хальбвакса это понятие означает не только информацию о каком-то конкретном событии, но и форму его сохранения и адаптацию в социальном контексте, что позволяет его характеризовать как феномен социального мира [Ассман 2004, с. 39–43]⁵. В дальнейшем Ассман постоянно обращается к этому понятию, экстраполируя его с коммуникативного уровня памятования на культурный.

В качестве примера обратимся к кейсу памяти древних евреев, разбираемого исследователем, что нам позволит далее перейти к проблеме разделения памяти и истории, которая также была заявлена Хальбваксом и рассмотрена Ассманом. Пересказывая общий сюжет Исхода, исследователь отмечает историческую сомнительность описываемых событий, поскольку проблематично найти источники, подтверждающие это [Ассман 2004, с. 218–219]. В данном случае исследователь имеет дело с «фигурой воспоминания», которая становится актом основания, «на котором зиждется не только идентичность народа, но и, прежде всего, идентичность Бога» [Ассман 2004, с. 219]. Таким образом, Ассман концентрирует внимание на фикциональном характере «фигуры», в которой утверждающая функция преобладает над фактологией.

⁴Подробно эти различия продемонстрированы в таблице, в которой Ассман наглядно показывает различия между двумя уровнями коммеморации [Ассман 2004, с. 58–59].

⁵Имеются в виду его локализация во времени и пространстве, социальная привязка и способ репрезентации, который должен соответствовать запросам помнящего сообщества.

Подобное понимание коллективного воспоминания смещает фокус анализа на проблематику размежевания истории и памяти, о которой Ассман также говорит в связи с Хальбваксом. Как отмечает исследователь, «“История”, согласно Хальбваксу, действует прямо противоположно коллективной памяти» [Ассман 2004, с. 44]. Память здесь выступает тем, что утверждает единство, делая цельное повествование о событиях прошлого непротиворечивым и законченным, в то время как история становится инструментом различения событий, кодифицируя их и составляя перечни, напрямую не связанные с памятью конкретной группы [Ассман 2004, с. 44–46]. В такой трактовке, продолжает Ассман, Хальбвакс рассматривает память и историю как продолжение друг друга. Как только воспоминания перестают быть предметом непосредственной коммуникации очевидцев и их ближайших потомков, возникает потребность в новых видах сохранения знаний. В этот момент и начинается переход памяти в историческое знание [Ассман 2004, с. 46–47]. Опираясь на концепцию Хальбвакса, Ассман определяет «традицию» альтернативой практикам сохранения наших знаний о прошлом, закрепляемых за историей. От истории она отличается формами «архивирования» и практиками изложения преданий о прошлом. Он приводит пример самого Хальбвакса о ранних христианах [Ассман 2004, с. 68–69], демонстрируя связь памяти с формами организации коммуникации внутри коллектива. Это позволяет говорить о тройной структуре «память–история–традиция», где история и традиция понимаются как следствие утери актуальности памяти для группы [Ассман 2004, с. 68].

Здесь имеет смысл сделать некоторые промежуточные выводы. В заглавие этого раздела была вынесена цитата самого Ассмана, акцентирующая внимание на микрозадаче, которую исследователь ставил в своей работе. Введение Хальбвакса в научный оборот требовало рассмотрения его концепции уже на уровне структуры работы и затем в отдельной главе работы. Вместе с тем, в силу отличия своего объекта исследования, Ассману пришлось экстраполировать часть хальбваксовских положений на те феномены, которые в его работах либо не рассматривались, либо выносились как инородные по отношению к коллективной памяти. Таким образом, сквозь призму своего исследования автор актуализировал наработки своего предшественника, расширяя поле его цитируемости в научных исследованиях, связанных с обозначенной проблематикой.

*Исследования коммуникативной памяти
в современном мире: кейс А. Ассман*

Перейдем к рассмотрению другого текста – книги Алейды Ассман «Длинная тень прошлого» [Ассман 2014]. В ней Хальбвакс характеризуется как «французский социолог и родоначальник исследований социальной памяти» [Ассман 2014, с. 21]. А. Ассман не ставит перед собой задачу актуализировать Хальбвакса, «вынимать» его из пучины забвения. Автор не посвящает ему отдельных глав, хотя в книге имеется несколько разделов, в которых его концепция выделяется на фоне всей остальной исследовательской базы монографии [Ассман 2014, с. 169]. А. Ассман постепенно разбирает значимую для себя часть теории Хальбвакса, рассредоточивая анализ по всей книге. Например, здесь: «...уже Хальбвакс подчеркивал, что на социальном уровне индивидуальная память смешивается с воспоминаниями других. Тем самым она перерастает собственные границы и включает в себя чужое, делая его своим» [Ассман 2014, с. 31]. Она упоминает идеи Хальбвакса в связи с проблемой проведения четких границ между понятием нейронной и социальной памяти⁶. Этот пример позволяет говорить о том, что Ян и Алейда Ассман выбрали разные повествовательные модели, при помощи которых они вводят концепцию Хальбвакса в свои работы. Я. Ассман сначала проговаривает проблемы, которые входили в поле интересов его предшественника, а затем переходит к развитию своих идей. А. Ассман же определяет проблемные узлы, важные для своего исследования, и в процессе их описания использует идеи Хальбвакса для подкрепления собственной позиции.

Рассмотрим подробнее этот способ адаптации идей. Начнем с фрагмента третьей главы, где А. Ассман отмечает, что «воспоминания формируются в процессе речевого контакта с другими людьми и их воспоминаниями. О многих вещах мы вспоминаем лишь по мере того, как находится повод рассказать о них. Рассказ является работой по кодировке, то есть переводом пережитых событий в историю» [Ассман 2014, с. 137]. Начинать анализ именно с этого фрагмента нам кажется целесообразным, поскольку он перекликается во многом со сказанным у Я. Ассмана. Автор подкрепляет именем Хальбвакса свою исследовательскую позицию, рассматривая впоследствии факторы формирования идентичности и памяти [Ассман 2014, с. 161–162]. В этой же главе она сравнивает положения Хальбвакса с концепциями памяти у Локка и Пруста,

⁶В терминологии А. Ассман социальная память и коллективная – синонимы.

встраивает память в анализ культурных феноменов, напрямую связанных с адаптацией опыта прошлого и его переводом на уровень культуры [Ассман 2014, с. 161–162]. Все это свидетельствует о том, что Хальбвакс рассматривается как источник авторитета и валидности для феноменов, описываемых самой Ассман.

Наиболее выраженным и концептуально важным для А. Ассман является термин «социальная рамка», который вводится автором в оборот для анализа кейсов. Исследовательница отмечает, что «концепция “социальных рамок” поставила исследования памяти на новый фундамент» [Ассман 2014, с. 161]. Проводя границу воспоминания не по каждому конкретному индивиду, а по той общности, с которой он себя отождествляет и которая задает ему горизонт воспоминания, индивид ставится в жесткие ограничения. Эти ограничения для него одного становятся средой памяти. В ходе своего повествования Ассман часто обращается к этому понятию⁷, используя его для обозначения ограничителей развития и преобразования мемориальных нарративов и выборки событий и явлений, которые могут быть в него включены [Ассман 2014, с. 169–176, 180]. Для А. Ассман в обоих случаях важна коммуникативная и нормирующая составляющая, которую она фиксирует практически на протяжении всей монографии. Метафоры коллективной памяти как разлитого в обществе знания о прошлом и социальных рамок, которые редуцируют возможные инварианты памятования, позволяют ей анализировать, например, ложные воспоминания не просто с позиции обмана, но как явление социокультурное [Ассман 2014, с. 154–160].

Также важна для А. Ассман заявленная Хальбваксом дихотомия «история/память» [Хальбвакс 2005]. Как отмечает исследовательница, такой подход к определению истории не как способа памятования, а как способа преодоления коммеморативности носит исторический характер и связан с контекстом воспроизводства подобного суждения [Ассман 2014, с. 43]. Такая оппозиция оставалась актуальной до 1980-х, когда она начала разрушаться на волне дискуссий о Холокосте. На данный момент история как жанр также считается инструментом конструирования идентичностей, как и память [Ассман 2014, с. 46–50]. В итоге сама дихотомия, заявленная Хальбваксом в первой половине XX столетия, к моменту написания книги перестала иметь безусловный характер. Ассман в своей работе обращается к разным источникам, которые определяются ею как практики формирования памяти, несмотря

⁷Наглядный образец такого рассуждения можно найти в анализируемой работе А. Ассман [Ассман 2014, с. 220].

на то что они не связаны с актами непосредственной коммуникации (в понимании Хальбвакса)⁸. В этой же связи можно отметить, что А. Ассман практически не использует понятие «фигура воспоминания», которое было важно для Я. Ассмана, поскольку с преодолением дихотомии «память/история» любое высказывание о прошлом приобретает характеристики фигуры памяти, что делает это понятие избыточным.

Продолжая тему разрушения границы между памятью и историей, Ассман также заостряет внимание на проблеме детерминации между прошлым и настоящим [Ассман 2014, с. 171–174]. Здесь автор отмечает, что особенности воззрений ее предшественника связаны с базовым условием коммеморации – устной коммуникацией [Ассман 2014, с. 174]. Ассман вслед за своими коллегами включает в рамку памяти также и данные, сохраненные на внешних носителях, которые прямым образом влияют на память. Более того, это дополнение расширяет горизонт анализа, поскольку, например, литературный текст позволяет создавать временные лаги, невозможные на уровне непосредственной коммуникации [Ассман 2014, с. 174–176].

Стоит отметить, что условия присутствия Хальбвакса в научном дискурсе к моменту написания «Длинных теней прошлого» заметно изменились. А. Ассман больше не требуется долгое введение, в котором она подробно бы разбирала идеи Хальбвакса и аргументировала свой выбор. За те десять лет, что прошли с издания «Культурной памяти», французский исследователь уже перестал быть «маргинальным» исследователем, а его позиции стали признанными в научном сообществе на достаточном уровне.

Заключение

В анализируемых текстах мы можем наблюдать два разных способа работы с идеями М. Хальбвакса как отправную точку для формулирования собственных концепций. Ян Ассман вводит Хальбвакса в научный оборот, закрепляя значимость его идей на структурном уровне и выделяя для этого целую главу. Хальбвакс предстает не просто как источник некоторых идей, но и как человек, что видно по краткой биографической справке в начале главы. Сами положения его теории встраиваются в последующий анализ на правах возможных критериев изучения конкрет-

⁸Например, практики сохранения воспоминаний на внешних носителях [Ассман 2014, с. 133–136].

ных культурных явлений и экстраполируются на проблемные поля, не входившие в сферу интересов Хальбвакса. Вместе с тем Я. Ассман не только базируется на концепции Хальбвакса, но и дополняет его идеи всеми наработками, которые он посчитал актуальными для своего исследования. Для данной статьи критерии этого отбора не играют особой роли, но если попытаться сделать обобщение, стоит обратить внимание на конструктивистский крен, заявленный самим Я. Ассманом [Ассман 2004, с. 49–50]. Таким образом, он не только ставит Хальбвакса как точку отчета определенного комплекса идей и интерпретации процессов в обществе, но и прочерчивает линию последующего развития этих воззрений не только с точки зрения конкретного проблемного поля, но и гуманитарного знания в целом. Отсюда выстраивается преемственность с первоисточником, что и позволяет Я. Ассману воспроизвести целую традицию определенного описания культурных процессов.

Исследовательская стратегия А. Ассман предлагает нам иное введение идей Хальбвакса в научное повествование. Для нее проблема актуализации Хальбвакса больше не стоит, и она адаптирует его воззрения к своей концепции. В данном случае он позиционируется как авторитет, который подкрепляет теоретическую базу исследования А. Ассман.

Оба опыта использования идей Хальбвакса демонстрируют гибкость, которая присуща его концепции памяти. В работе Я. Ассмана заметна интересная попытка анализировать древние культуры посредством концепта «культурная память», который генетически возводится к «коллективной памяти» Хальбвакса. Из более очевидного, Я. Ассман приспособил термин «фигура воспоминания» для анализа явлений, которые в случае Хальбвакса выпадали из поля анализа и выстраивались как совершенно иные объекты анализа. Для А. Ассман таким понятием стали «рамки памяти», которые помогают ей описать поле, внутри которого формировалась немецкая мемориальная традиция во второй половине XX в. М. Хальбвакс как определенный корпус идей оказался органично встроен в анализируемые работы. Другие исследователи автоматически соглашались с идеями Хальбвакса и продолжают ту традицию научного анализа, которую заложили в своих работах Я. и А. Ассман. Это позволяет характеризовать Хальбвакса как канонического персонажа в научном знании, без которого не обходится любое изыскание, связанное с анализом социокультурной памяти.

Литература

- Ассман 2004 – Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и идентичность в высоких культурах. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Ассман 2014 – Ассман А. Длинные тени прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
- Романовская 2010 – Романовская Е.В. Морис Хальбвакс: культурные контексты памяти // Известия Саратовского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2010. Т. 10. № 3. С. 39–44.
- Сафронова 2018 – Сафронова Ю.А. Третья волна memory studies: двадцать три года против шерсти // Политическая наука. 2018. № 3. С. 12–27.
- Хальбвакс 2005 – Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 16–50.
- Хальбвакс 2007 – Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
- Confino 1997 – Confino A. Collective memory and cultural history: Problems of method // The American historical review. 1997. Vol. 102. № 5. P. 1386–1403.
- Cordeiro 2015 – Cordeiro V.D. Conceptual (re)construction of Maurice Halbwachs' Theory of Collective Memory // 110th ASA Annual Meeting Proceedings. 2015. P. 1–25.
- Olick 2009 – Olick J. Between chaos and diversity: Is social memory studies a field? // International journal of politics, culture and society. 2009. Vol. 22. № 2. P. 249–252.
- Pleh 2000 – Pleh C. Remembering the Collective Memory of Maurice Halbwachs // Semiotica. 2000. № 128-3/4. P. 435–443.
- Truc 2011 – Truc G. Memory of places and places of memory: for a Halbwachsian socio-ethnography of collective memory // International Social Science Journal. 2011. № 203–204. P. 147–159.

References

- Assmann, A. (2014), *Dlinnye teni proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [Shadows of trauma: Memory and the politics of postwar identity], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Assmann, J. (2004), *Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i identichnost' v vysokikh kul'turakh* [Cultural memory and early civilization: Writing, remembrance, and political imagination], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Confino, A. (1997), "Collective memory and cultural history: Problems of method", *The American historical review*, vol. 102, no. 5, pp. 1386-1403.
- Cordeiro, V.D. (2015), "Conceptual (re)construction of Maurice Halbwachs' Theory of Collective Memory", *110th ASA Annual Meeting Proceedings*, pp. 1-25.

- Halbwachs, M. (2005), "Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat'" [Collective and historical memory], *Pamyat' o voine 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa* [The memory about the War after 60 years: Russia, German, Europe], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, pp. 16-50.
- Halbwachs, M. (2007), *Sotsial'nye ramki pamyati* [The Social Frameworks of Memory], Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia.
- Olick, J. (2009), "Between chaos and diversity: Is social memory studies a field?", *International journal of politics, culture and society*, vol. 22, no. 2, pp. 249-252.
- Pleh, C. (2000), "Remembering the Collective Memory of Maurice Halbwachs", *Semiotica*, no. 128-3/4, pp. 435-443.
- Romanovskaya, E.V. (2010), "Morris Halbwachs: Cultural Contexts of Memory", *Izvestiya of Saratov University. "Philosophy. Psychology. Pedagogy" Series*, vol. 10, no. 3, pp. 39-44.
- Safronova, Yu.A. (2018), "The third wave of memory studies: Going against the grain for twenty-three years", *Political science*, no. 3, pp. 12-31.
- Truc, G. (2011), "Memory of places and places of memory: for a Halbwachsian socio-ethnography of collective memory", *International Social Science Journal*, no. 203-204, pp. 147-159.

Информация об авторе

Андрей В. Голиков, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; zaki940@yandex.ru

Information about the author

Andrey V. Golikov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; zaki940@yandex.ru